

Языкознание в Древней Индии

Древняя Индия по праву считается колыбелью языкознания, поскольку именно в этой стране с ее самобытной философией и культурой впервые зарождается интерес к изучению языка. Древнеиндийская лингвистическая традиция насчитывает около 3000 лет. Возникновение потребности в исследовании языка было вызвано чисто практическими причинами: необходимостью точного воспроизведения Священных гимнов и стремлением нормализовать санскрит – единый литературный язык Древней Индии. Индийская культурная традиция возводит знание, полученное индусами и зафиксированное в индийских Священных текстах – Ведах, к Богу. Сначала оно передавалось по цепи преемственности в устной форме, а затем было изложено в письменном виде. Собственно Веда включает в себя четыре сборника гимнов, песнопений и жертвенных формул – Ригведу, Самаведу, Яджурведу и Атхарваведу. Поскольку ведические тексты восходят к божественным источникам, то они, по представлениям древних индийцев, имеют сакральную силу. Однако сверхъестественные возможности Священного текста могут быть реализованы лишь в том случае, если текст будет воспроизводиться без малейшего варьирования языковой ткани. Правильность речи должна соблюдаться не только в отношении смысла, но и в отношении ее звуковой формы, иначе сакральность обряда, связанного с ведическими гимнами, будет нарушена, приобщения к божественному не состоится. Как правило, обряд, связанный с ведическими гимнами, включал в себя не только их речевое воспроизведение, но и сопровождался музыкой, танцами, иными изобразительными средствами. Нарушение орфоэпической правильности воспроизводимого ведического текста как бы разрывало связь между смежными искусствами, входящими в обряд. Поэтому правильность речевого воспроизведения текста в ведической традиции почти синонимична понятию сакральности текста.

Языком древнейших индийских религиозных гимнов являлся санскрит – классический язык древнеиндийской письменности. С течением времени он стал отличаться от разговорных языков этой страны, именуемых пракритами. Уже в V в. до н.э. санскрит перестал употребляться в повседневной жизни индийцев, обслуживая в дальнейшем лишь религиозную жизнь и религиозно-литературную практику. Как литературный язык с особыми нормами он нуждался в специальном изучении для сохранения конфессиональной чистоты и аутентичного воспроизведения религиозных текстов. В этих целях начали создаваться описательно-нормативные грамматики, которые содержали правила произношения и указывали на нормативное употребление санскритских форм.

Лингвистические исследования индусов прослеживаются уже в самых ранних памятниках ведической литературы – ведангах (буквально – части Вед), представляющих собой трактаты по фонетике, грамматике, этимологии, метрике, астрономии и ритуалу, необходимые для правильного толкования ведических текстов. Содержание ведической традиции связано с именами различных божеств, поэтому некоторые индийские источники происхождения лингвистических знаний, в частности грамматического учения, возводят к богу Шиве. В ведангах были заложены основные направления, по которым развивалась древнеиндийская наука о языке.

Правильность воспроизведения Священных гимнов ставила перед индийскими грамматистами задачу нормирования речи, образования правильной литературной речи. Считалось, что грамматика должна обеспечить: 1) сохранение ритуального языка в его традиционной форме; 2) способность образовать формы слова от других слов; 3) приобретение знания; 4) краткость описания; 5) ясность описания (...).

Начало грамматической традиции связывают с именем Панини (V – IV вв. до н.э.), выдающимся лингвистом Древней Индии, одним из основоположников языкознания, автором первой нормативной грамматики классического санскрита. Грамматика Панини «Восьмикнижие» содержит около 4000 кратких стихотворных правил (сутр). В своей грамматике Панини указывает на множество своих предшественников, отмечает, что сам он лишь передает и приводит в систему знания, которые накоплены до него и содержат божественный смысл. Не случайно «Восьмикнижие» начинается с главы «Шивасутра» (то есть канона, данного богом Шивой), в которой описываются буквы индийского алфавита. В грамматике Панини исчерпывающе описаны фонетика, морфология, словообразование и синтаксис санскрита. «Восьмикнижие» Панини в течение почти двух тысячелетий являлось непререкаемым авторитетом в грамматике классического санскрита. Лишь в XVII в. совершается пересмотр его трактата, который коснулся по преимуществу порядка расположения правил, а не их содержания.

Грамматика Панини написана чрезвычайно формализованным языком, точное пользование ее правилами предполагает построение высказываний, безупречных с точки зрения понятности значения и формы, что предвосхитило многие идеи современной структурной лингвистики, семиотики, логики. Принципы систематики языка, выработанные Панини, в настоящее время используются в попытках создания правил машинного синтеза текста. «Восьмикнижие» не предполагает какой-либо систематики плана содержания. Оно предоставляет плану содержания полную свободу в пределах плана выражения. Но так как план выражения строго определен и канонизирован, то создание значимых комбинаций звучания также предопределено, оно составляет весьма значительный, но закрытый список единиц всех уровней. И хотя, пользуясь грамматикой Панини, нельзя

образовать бесконечно большого числа высказываний, предусмотренное количество значащих единиц достаточно велико, чтобы удовлетворить нужды правильного языка. Правильный язык – язык канонический, и количество текстов на таком языке может быть ограничено, учитывая назначение этих текстов. Совокупность санскритских текстов охватывает разные виды деятельности – религиозную, практическую, юридическую и т.п. – и, по мысли древних индийцев, исчерпывающим образом определяет поведение члена общества, позволяя ему найти свое место в мире и «упорядочить себя» (...).

Построение грамматики Панини не такое, как принято в европейской традиции. В европейской традиции сначала излагаются общие категории, например, части речи, а затем даются фонетические изменения слов, имеющие категориальные функции. «Восьмикнижие», ориентированное на письменную традицию, начинается с принципов построения орфографо-орфоэпического норматива: установления перечня основных единиц орфографии и орфоэпии – букв и звуков, их разбиения на классы, детального описания свойств отдельных звуков по их артикуляционным признакам. Затем исследуются правила комбинирования звуков с учетом процессов аккомодации и ассимиляции, чередования гласных, изменения звучания на границах слогов, что позволяет решить вопрос об идентификации фонем и морфофонем, и лишь после этого создаются правила конкретного чтения и составления графического текста, которые и есть грамматика. Например, в правиле дано фонетическое изменение слов *vidma* ‘мы знаем’, *veda* ‘я знаю’ и *vaidyas* ‘ученый’. Следует показать, с чем оно связано в грамматике и что оно дает для построения и понимания текста. Для этой цели Панини выделяет полный инвентарь грамматических контекстов – от сочетания двух и более морфем вплоть до предложения, где возможны изменения единиц и их классов. В основе грамматической систематизации лежит различение следующих важнейших явлений языка: корня и аффикса, словообразования и словоизменения (...).

Вычленению составных частей слова в немалой степени способствовал довольно ясный морфемный состав слова в санскрите. Панини дал отдельно перечень корней, сопроводив каждый корень толкованием его значения. Морфологическая систематизация в своем основном виде выглядит следующим образом: всякий корень способен присоединять к себе суффиксы времени и лица, то есть всякий корень – глагольный. Для образования имени необходимо добавить к глагольному корню суффикс имени, то есть суффикс словообразования, далее можно присоединить падежные суффиксы. Бывают случаи, когда слова с именным значением образуются без именного суффикса, что дается особым правилом, называемым «уничтожение». «Уничтожение» представляет собой введение нулевой морфемы, нуля как значимого члена парадигмы. Имя и глагол, представленные цепочками фонем и морфем, в сочетании дают предложение, которое может

расширяться введением готовых корней с добавлением к ним соответствующих аффиксов или нуля. Полная схема порождения высказывания включает в себя также последовательный ряд парадигм именных суффиксов (родовой принадлежности имени, суффиксы потомства или фамилии, цвета и т.п.) и ряд парадигм глагольных суффиксов (суффиксы десяти классов глагольных основ, вида, модальности, залога и т.д.). Таким образом, грамматика выступает как идеальная формализованная схема языка. Отдельно описываются явления, которые не подчиняются общим закономерностям, например, имена богов или названия некоторых реалий (...).

Труд Панини нашел многих выдающихся комментаторов и последователей, которые расширили и углубили его грамматическое учение.

Древние индийцы разрабатывали не только грамматику, но и лексикологию. Их лексикологические исследования были связаны, прежде всего, с составлением словарей, первый из которых представлял собой список употребленных в Ведах непонятных слов. В V – VI в. н.э. языковед Амара составил словарь санскрита, широко используемый и современными санскритологами. В индийском языкознании уже заложена фактически и идея исторического развития языков и их сравнительно-исторического изучения. Один из последователей Панини лингвист Вараручи (III в. до н.э.), занимаясь изучением среднеиндийских языков – пракритов, выдвигает мысль о том, что все факты среднеиндийских языков восходят к одному источнику – санскриту, из форм которого и образовались все пракритские. Тем самым он применяет сравнительно-исторический метод в языкознании задолго до того, как тот получает распространение в Европе.

Древнеиндийская лингвистическая наука занималась не только практическим языкознанием – составлением грамматик и словарей, описанием языка для практических нужд. Она положила начало и философским аспектам языковедения. Так, философ-языковед Бхартхари (I в. н.э.) исследовал философский аспект соотношения предложения и суждения, роли слова в языке. Он считает предложение единым неделимым высказыванием, выражающим единое неделимое значение, и рассматривает все возможные правильные суждения, составленные из одних и тех же понятий, то есть исчисляет все трансформации одного суждения, при которых любое суждение эквивалентно другому с точки зрения логического содержания. По мысли Бхартхари, слово представляет собой некий абстрактный инвариант (неизменный по отношению к некоторым преобразованиям, независимый от физических условий – А.Г.), тождественный сам себе в разных физических реализациях в различных высказываниях, оно является не физической реальностью, а особой духовной сущностью. По сути, здесь уже проводится разграничение между словом как единицей языка и словоупотреблением как единицей речевой деятельности, выступающей у Бхартхари как физическая реализация слова.

Таким образом, наука о языке в Древней Индии достигла значительных результатов. Вызванная к жизни идеей о божественности Священных гимнов и сакральности их слова, она вырабатывает наиболее строгий лингвистический подход к языку, который опирается на ясное понимание нормативности, системности, экономности, инвариантности и остается актуальной в современной науке о языке. Древнеиндийская лингвистическая традиция оказала огромное влияние на греческое и арабское языкознание, а в последующем, когда европейская наука познакомилась с санскритом, и на всю европейскую лингвистику. В. Томсен так определяет уровень развития древнеиндийского языковедения и его роль в науке о языке: «Высота, которую достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX в., да и то научившись многому у индийцев» (...).

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ